УДК 069.53(571.13) DOI 10.17223/19988613/36/4

Е.И. Красильникова

МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ С.М. КИРОВА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1934 г. – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1941 г.)

Статья посвящена различным формам и способам увековечивания в городах Западной Сибири (Томск, Омск, Новосибирск, Барнаул) памяти об убитом в 1934 г. Сергее Мироновиче Кирове. Коммеморации, приуроченные к гибели С.М. Кирова, оцениваются как процесс формирования политического культа героя, который использовался государством в целях социальной мобилизации. Охарактеризована траурная кампания (декабрь 1934 г.), участие сибиряков в массовом прощании с Кировым, дни памяти Кирова, устраивавшиеся в последующие годы. Особое внимание уделено роли западносибирских музеев в мемориализации Кирова.

Ключевые слова: мемориализация; коммеморация; политика памяти; траурная кампания; Западная Сибирь.

Сергей Миронович Киров — секретарь Ленинградского губкома ВКП(б), член Политбюро ЦК ВКП(б) и член ЦИК СССР, был широко известен в Советском союзе второй половины 1920-х — начала 1930-х гг. Неожиданное убийство С.М. Кирова 1 декабря 1934 г. потрясло страну и послужило началом массовой идеологической кампании, направленной на увековечивание памяти этого «кристально чистого большевика». Однако до сих пор историки уделяли мало внимания политике памяти, выраженной в подходах и практической стороне мемориализации Кирова после его гибели. Между тем образ погибшего героя, политический культ которого формировался по всей стране, на несколько лет занял чуть ли не центральное место в официальных массовых коммеморациях.

Посмертное формирование культа Кирова в различных регионах имело свою специфику. Именно поэтому представляется актуальным обобщить имеющиеся свидетельства о характере мемориализации С.М. Кирова в Западной Сибири, где Сергей Костриков (настоящая фамилия С.М. Кирова) начинал свой путь революционера. Советский пропагандистский дискурс не упускал из внимания Сибирь как «кузницу революционных кадров». Там, где Киров жил и вел революционную деятельность, складывался местный коммеморативный нарратив, а использование имени погибшего члена советского правительства подчинялось локальным целям, которые представляли собой составную часть общесоветского целеполагания социальной мобилизации.

Таким образом, цель данной статьи состоит в характеристике особенностей мемориализации С.М. Кирова в Западной Сибири на этапе между декабрем 1934 г., когда состоялось его убийство, и серединой 1941 г., связанной со сменой акцентов пропаганды на фоне Великой Отечественной войны. Для этого предстоит: указать на основные тенденции и черты увековечивания памяти крупных политических деятелей в Западной Сибири в предыдущие годы; определить содержание советской политики памяти, нашедшей выражение в формировании культа Кирова, выявить и описать этапы

и приемы увековечивания памяти о С.М. Кирове, использовавшиеся в Западной Сибири в конце 1934 — первой половине 1941 г., а также охарактеризовать проблемы, сложности и результаты мемориализации Кирова в Западной Сибири.

В методологическом отношении данное исследование базируется на подходе, известном на Западе как «memory studies» («memory research»). Нами использован понятийный аппарат, разработанный преимущественно в рамках этого подхода. Ключевым понятием данного исследования является «коммеморация» - coзнательный социальный акт передачи нравственно, эстетически, мировоззренчески или технологически значимой информации (или ее актуализации) путем увековечения определенных лиц и событий, т.е. введения образов прошлого в пласт современной культуры [1. С. 1]. Под «мемориализацией» (от лат. memorialis – памятный) мы подразумеваем коммеморативный процесс, включающий в себя комплекс различных практик, необходимых для увековечивания памяти о неком лице или о событии. В условиях сталинского политического режима увековечивание памяти о члене правительства и «лучшем друге вождя» подчинялось государственной «политике памяти», т.е. способам и самим процессам идеологизации прошлого, создания необходимых власти социальных представлений и национальных символов [2. С. 41].

Избранные властью ПУТИ мемориализации С.М. Кирова привели к формированию политического культа героя. Подобные культы, характерные для советской политической культуры сталинской эпохи, немецкий историк Я. Плампер определяет как символическое выражение чрезвычайного возвышения какого-либо лица над всеми окружающими [3. С. 9]. Разработка теории советских политических культов осуществлялась, в частности, Э. Шлисом и К. Гиртцем, по выводам которых эти культы стоит признать порождением массовой политики, а их возникновение было возможно лишь в условиях закрытых обществ и борьбы с религией (эти культы признаются квазирелигиозными) [Там же. С. 11–13].

Наше исследование выполнено при опоре на разнообразные источники. Во-первых, это - периодическая печать, отражавшая сквозь призму идеологии события, связанные со смертью, похоронами и памятными мероприятиями, посвященными С.М. Кирову. Мы использовали ежедневные газетные издания городов Западной Сибири за 1934-1941 гг.: «Советская Сибирь», «Красное знамя», «Красный Алтай», «Алтайская правда», «Омская правда». Во-вторых, это - неопубликованные мемуары сибиряков о Кирове из фондов региодокументы нальных архивов, личного фонда С.М. Кирова, хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). В-третьих, это отложившиеся в западносибирских архивах документы партийных организаций, отражающие кировские коммеморации в Западной Сибири, а также делопроизводственные материалы музеев, использовавших материалы о С.М. Кирове в выставочной и экспозиционной деятельности.

Историография убийства и посмертного почитания С.М. Кирова внушительна. Еще во второй половине 1930-х гг. И. Разгон в биографической книге о Кирове писал, что «дни скорби» и похороны Кирова «превратились в грандиозную демонстрацию единства советского народа, его беззаветной преданности большевистской партии и своему вождю товарищу Сталину» [4. С. 118]. В духе пропаганды середины 1930-х гг. гибель Кирова в книге Разгона преподносится как горестный урок советскому народу: «Не дело большевиков почивать на лаврах и ротозействовать. Не благодушие нужно нам, а бдительность, настоящая большевистская, революционная бдительность. Надо помнить, что чем безнадежнее положение врагов, тем охотнее они будут хвататься за крайнее средство» [Там же. С. 120]. Биографы Кирова 1950–1980-х гг. не заостряли особенного внимания на посмертных почестях, выраженных герою. Его гибель объяснялась с точки зрения официальной версии, согласно которой за убийством Кирова стояла «троцкистско-зиновьевская банда» [5, 6 и др.]. В эти годы было издано немало художественных и научно-популярных книг о Кирове на Кавказе. Однако была написана лишь одна повесть сибирского автора Г.М. Пушкарева о Кирове в Сибири, излагавшая ставшую уже шаблонной биографическую версию и не акцентировавшая внимания на посмертном почитании героя [7].

С конца 1980-х гг. идеологизации гибели Кирова и ее использованию в мобилизационных целях уделяется внимание в работах как отечественных, так и зарубежных авторов, которые расходятся во мнениях относительно виновников преступления, однако солидарны в выводах об «эпохальном» политическом значении этого события, позволившего И.В. Сталину обосновать усиление террора [8–10]. Пышность похорон С.М. Кирова и оказанных ему посмертных почестей нашла отражение в работе А.А. Кириллиной «Неизвестный Киров» [11]. Кампания по увековечиванию

памяти Кирова в Москве и Ленинграде охарактеризована М.Е. Леное, который предлагает собственную оценку ее идеологического значения. Этот автор обратил внимание и на восприятие траурной кампании ленинградцами [12]. Слухам и пересудам по поводу смерти Кирова уделено внимание в исследовании С. Дэвид, работавшей с оперативными сводками о политических настроениях в народе [13]. Между тем вопрос об участии различных регионов страны в формировании культа Кирова до сих пор изучен слабо. Мифологизация биографии Кирова на его родине - в Уржуме (Вятская губерния, теперь Кировская область) затрагивался А. Рашковским [14]. А специфика формирования и восприятия культа Кирова в Томске уже освещалась нами в ряде предыдущих работ [15, 16]. Данное исследование подводит основные итоги изучения специфики мемориализации Кирова в Западной Сибири.

Формирование политического культа Кирова в регионах необходимо рассматривать в контексте предыстории этого процесса, поскольку большевики повсеместно использовали уже существовавший до них опыт увековечивания памяти о героях. Еще до революции в России уделялось немало внимания мемориализации членов императорской семьи и политических деятелей. Не оставалась в стороне от этих коммеморативных процессов и Западная Сибирь. Показателен пример прощания томичей убитым 1911 П.А. Столыпиным: память председателя Совета министров городская дума почтила вставанием, его семье была направлена телеграмма с соболезнованиями; городскому Белозерскому смешанному училищу присвоили имя Столыпина; состоялось и благотворительное мероприятие, закреплявшее в народной памяти позитивный образ жертвы террориста. В память о П.А. Столыпине учредили городскую стипендию в 100 рублей в пользу приюта для бездомных и нищих детей [17. Л. 3].

Население городов Западной Сибири также активно включалось в процессы мемориализации императоров династии Романовых, рассмотренной нами в одной из предыдущих статей [18]. В отличие от дореволюционных, советские коммеморативные практики были подчеркнуто гражданскими, однако в остальном соответствовали дореволюционным образцам.

Формирование культа Кирова осуществлялось в опоре на образцы ленинских коммемораций. В одной из наших предыдущих работ показана преемственность в организации траурных мероприятий в Западной Сибири, приуроченных к смерти и похоронам вождей в период между 1924 г. и концом 1930-х гг. Нами сделан вывод о сохранении в эти годы приверженности ритуальным образцам, сложившимся еще в начале 1920-х гг. и связанным с ними внешне с дворцовыми церемониалами имперского периода. Мы показали, что массовые прощания сибиряков с С.М. Кировым, Г.К. Орджоникидзе, В.В. Куйбышевым и другими «героями» второй поло-

вины 1930-х гг. лишь в деталях отличались от траурных ленинских коммемораций [19]. Однако именно в этих деталях проявилась смена идеологических акцентов, на которых представляется важным остановиться.

После трагической кончины Киров стал символом борьбы с внутренними врагами политического режима. В 1930-х гг. официальная пропаганда стремилась создать в общественном сознании образ современности как героической эпохи. Еще в 1928-1930 гг. перед народом СССР государство поставило новую героическую, «боевую» задачу построения мощной индустрии. Идеологический характер этой задачи британский историк М.Е. Леное отразил в выражении «эпическая битва» [20. С. 250]. В последующие годы страна менялась на глазах: шла форсированная индустриализация, создавались колхозы, обновлялся общий культурный фон жизни, одновременно начались массовые репрессии. Власть объясняла ситуацию закономерным усилением классового сопротивления «врагов» и «вредителей» успехам социалистического строительства. В «боевых» условиях тех лет население должно было научиться различать друзей и врагов, почитать героев и проклинать вредителей. Для мобилизации масс на производственные подвиги и укрепления советской политической идентичности власть нуждалась в новых героях - невинных жертвах врагов и примерных тружениках, положивших жизнь на служение советской стране. Именно поэтому яркой чертой 1930-х гг. стали пышные коммеморации - массовые похороны новых героев и дни их памяти. Я. Плампер считает, что «маленькие», по сравнению с культом Сталина, культы героев были характерным признаком политической культуры 1930-х гг. Прославление героев наряду со Сталиным повышало «сакральную заряженность» и самого вождя, и прославляемых героев, служивших примером для масс [3. С. 72]. Все эти культы являлись порождением массовой политики (их аудиторией и источником являлось все население) и секуляризованной советской культуры, «изгнавшей всех богов» [Там же. С. 12-13]. Плампер считает, что эти культы передавали отголоски религии [Там же. С. 11], однако в их назначении было гораздо больше политической прагматики. Все героические культы 1930-х гг. были похожи между собой. Уже в первые дни после гибели Кирова пропаганда формировала в общественном сознании фигуру памяти, соответствовавшую соцреалистическому канону, но не реальности. Печать транслировала в массы типичный образ героя: скромный, непритязательный, отзывчивый и верный товарищам, деятельный и отважный [21].

Мемориализация С.М. Кирова в Западной Сибири была многоаспектной и многоэтапной. Она включала в себя такие основные мероприятия, как проведение в регионе траурной кампании в декабре 1934 г., организацию ежегодных дней памяти С.М. Кирова, музеефикацию артефактов и иных материалов, связанных с жизнью Кирова в Сибири, формирование кировских

памятных мест и их использование в идеологических целях.

Мемориализация началась со «всенародного» прощания с героем. Комиссию, отвечавшую за похороны С.М. Кирова в Москве, возглавил А.С. Енукидзе, который прежде возглавлял комиссию по похоронам В.И. Ленина. Соответственно, опыт похорон Ленина был во многом повторен. Складывавшийся культ Кирова был, конечно, мельче культа Ленина. Но в середине 1930-х гг. печать и радио располагали большими ресурсами для трансляции свежей информации о похоронах, более впечатляющими были газетные репортажи, представлявшие четкие визуальные репрезентации тела Кирова в гробу. Наконец, общественный отклик на гибель Кирова в условиях политики середины 1930-х гг. базировался на подготовке, которую вели многоопытные специалисты в области пропаганды, с годами освоившие стандарт траурных мероприятий.

Работа на местах над формированием политического культа Кирова - «жертвы врагов», началась с объявления о его гибели в начале декабря 1934 г. Об этом событии сибиряки узнали, прежде всего, из ежедневных газет, где по образцу центральных печатных изданий публиковались портреты еще живого Сергея Мироновича в черной траурной рамке и сообщения о его смерти. Печать же детально информировала население о ритуале прощания с героем в Москве и освещала официальное отношение власти к случившемуся. Череда детальных траурных репортажей должна была создавать у тех, кто находился в Сибири, ощущение присутствия на похоронах. Читателей посвящали не только в то, какими были массовые коммеморации, но и в то, как в конце церемонии с героем прощались его близкие и соратники за закрытыми дверями. Газеты подчеркивали личное участие вождя в похоронах: согласно репортажам, он присутствовал у гроба, нес гроб на плече, провожая «лучшего друга» в последний путь. В день похорон газеты публиковали крупные и отчетливые снимки сцен прощания, что не представлялось технически возможным, когда страна хоронила Ленина. В газетах также печатали биографические материалы о Кирове, имевшие значение расширенных некрологов. При этом существовали местные акценты: в газетах можно было прочесть о том, как Киров начинал революционную деятельность в Томске и Новосибирске (до 1926 г. – Новониколаевск). Печать акцентировала факт биографической связи Кирова с Западной Сибирью, пытаясь заставить местных жителей глубже прочувствовать траур, подчеркивая, что в Кремлевской стене хоронили прах их земляка, отдавшего юность освобождению «каторжной Сибири» от «гнета царизма».

Уже 3 января 1935 г. прошло траурное заседание партийной группы III краевого съезда советов Западной Сибири по поводу убийства С.М. Кирова. На этом мероприятии, где присутствовали две тысячи человек, давалась идеологическая оценка событиям, которую

члены партии в дальнейшем должны были транслировать в массы. Главную идеологическую мысль, на наш взгляд, отражает витиеватая цитата из речи Никулькова: «То возмущение, которое мы сегодня видим со стороны рабочего класса и трудящихся масс по поводу гнусного убийства товарища Сталина - Сергея Мироновича Кирова, является свидетельством той преданности, того безграничного доверия партии со стороны рабочего класса, когда враг посягает на лучших людей, борцов за проведение этой генеральной линии партии» [22. Л. 1]. Заметно, что уже в начале траурной кампании на местах боялись идеологических разночтений и антисоветских настроений, спровоцированных идеологической кампанией. Все-таки оперативные сводки прошлых лет неоднократно фиксировали «контрреволюционные» высказывания в адрес В.И. Ленина и его похорон. Особенно нежелательными антисоветские высказывания были в среде самих членов партии в условиях уже начавшихся репрессий. Поэтому именно на этом заседании публично обращалось внимание на нарушения партийной дисциплины. На весь зал сообщалось: «Рупасов Р.С. перед траурным собранием организовал "совещание" у себя дома с выпивкой. В итоге он и его собутыльники на заседание опоздали». Далее следовал вопрос: что именно «они там обсуждали» за рюмкой водки [23. Л. 2]?

В преддверии похорон 6 декабря 1934 г. сибиряки должны были присутствовать на митингах, организованных в память о Кирове на предприятиях, в учреждениях, на центральных городских площадях. За посещением этих мероприятий устанавливался жесткий контроль в силу их идеологического значения. Митинги служили цели создания в обществе эмоционального подъема, всплеска трудового энтузиазма, который должен был послужить целям индустриализации. Синхронно с похоронами Кирова в западносибирских городах проходили объединенные заседания горсоветов и горкомов партии. На этих заседаниях воспроизводился ритуал прощания с В.И. Лениным десятью годами ранее, однако, как мы считаем, речи ораторов были более однотипными и напыщенными, а траурное убранство залов более пышным. По правилам подобных мероприятий 1930-х гг. в конце заседания говорилось о тяжелой политической обстановке, необходимости мобилизовать силы в борьбе за задачи социалистического строительства, о бдительности и о гении вождя, который без устали заботится о благе советской страны. Это «сплочение в горе» было нужно не только для мобилизации, но и для демонстрации единства партии, внутри которой реально существовали разногласия, а также для подтверждения широкой народной поддержки правительства и для легитимации власти.

С. Дэвид обнаружила многочисленные свидетельства сочувствия трагедии, произошедшей с Кировым. Она отмечает, что многие заявляли, будто «Киров равен Ленину», требовали похоронить его в Ленинграде. На похороны Кирова пришло около полутора миллио-

нов человек, что, по мнению С. Дэвид, говорило о мистическом, религиозном отношении к власти. Одновременно находились и те, кто отвергал эти коммеморации, смеялся над гиперболизированной помпезностью похорон, сравнивал портреты Кирова с иконами, возмущался огромными тратами средств на эти похороны [13. С. 115, 161]. Безусловно, далеко не вся страна разделяла чувство «душераздирающего горя». М.Е. Леное обнаружил свидетельства безразличного отношения беспартийных рабочих к гибели Кирова, а также многочисленных фактов неприятия траурных коммемораций. Звучала критика и даже брань в адрес самого «героя», в частности его называли «карьеристом», говорили: «Собаке - собачья смерть» [12. C. 492, 497].

В адрес В.И. Сталина и вдовы С.М. Кирова Марии Львовны летели многочисленные письма с соболезнованиями. Письма Сталину в духе времени прославляли вождя, содержали благодарности, адресованные ему. Письма вдове Кирова также были проникнуты выражением глубоких переживаний. Письмасоболезнования, которые получала десятью годами ранее Н.К. Крупская, отличались большей сухостью и формализмом. Телеграммы и письма, адресованные Марии Львовне, заверяли, что их авторы «всей душой переживают глубокое горе» [23. Л. 1-98]. Риторике этих посланий была присуща гиперболизированная сердечность, задававшая настроение и печатным репортажам. Стоит отметить, что вдова Кирова получила гораздо меньше телеграмм и писем, нежели вдова Ленина. А в контексте нашего исследования важно и то, что среди них вообще не было посланий из Сибири.

Через год после смерти Кирова был установлен стандарт «кировских дней», ставших, по словам С. Дэвид, «частью ритуала официальной культуры». Порядок торжеств определялся циркуляром, подписанным лично И.В. Сталиным [13. Р. 518]. Вождь требовал, чтобы местные партийные организации «показали тов. Кирова одним из величайших руководителей нашей партии, трибуном нашей партии, любимым всеми трудящимися СССР» [11. С. 145].

В память о Кирове устраивались собрания на предприятиях и в школах, а также в кружках агитации, местная печать неизменно размещала на своих страницах материалы о жизни «железного большевика», о его революционной и партийной деятельности [24-26 и др.]. Пропаганда актуализировала образы Гражданской войны, напоминая о героизме тех лет. Повторялся миф о героизме Кирова, всегда верного революционным идеалам, вновь и вновь звучали призывы «работать покировски». Шел процесс присвоения С.М. Кирова предприятиям [27], улицам и городским районам, возводились памятники герою. Кинотеатры демонстрировали картины, посвященные «любимому герою». Музеи устраивали тематические выставки и дорабатывали уже существовавшие экспозиции, включая новые экспонаты, отражавшие тему «Киров».

Транслировались соответствующие радиопередачи. Годовщины смерти С.М. Кирова сопровождались обязательными собраниями партийных ячеек различных учреждений и предприятий, где звучали биографические доклады о погибшем герое, а также об усилении подрывной работы вредителей и необходимой бдительности. В иных случаях это была уже не просто пропаганда: от общих фраз ораторы переходили на личности. После обсуждения общей политической ситуации в стране члены ячейки могли подвести разговор к разбору «вредительства» в их конкретном учреждении. Такие разборы могли заканчиваться очень серьезными обвинениями, имевшими решающее значение в судьбе человека. К примеру, именно таким был вечер памяти, устроенный первичной партийной организацией новосибирского краеведческого музея [28. Л. 22]. Вечера памяти Кирова, проходившие также в рабочих клубах и учебных заведениях, содержали не только коммеморативную часть, но и критику представителей конкретного коллектива, а также и обвинения в инакомыслии [29].

Многочисленны примеры того, как неосторожное слово о Кирове стоило людям свободы или даже жизни. При этом не обязательно было критиковать его деятельность. Достаточным для обвинения было опоздать на траурное собрание, посвященное гибели Кирова [22. Л. 2], или сказать, что «Киров был хорошим оратором, но Троцкий в свое время говорил лучше, мог зажечь молодежь и молодежь за ним шла» [30. Л. 11]. Автор этого высказывания вчерашний школьник А.П. Синцов – десять лет провел в сталинских лагерях. «Благодаря» Кирову трагично сложилась судьба директора Томского краеведческого музея А.С. Уланова. В 1937 г. он создал довольно подробную выставку, посвященную С.М. Кирову и его пребыванию в Томске. Специально для выставки изготовили макеты его конспиративной квартиры и организованной при его участии подпольной типографии. Музейщики даже воссоздали общий вид одиночной камеры томской тюрьмы, где в 1906 г. сидел Сергей Миронович в юности. Выставка включала книги, фотографии Кирова, революционные лозунги, листовки, тексты речей Кирова и Сталина. Посчитав деньги, израсходованные на эту выставку, Уланов пробурчал: «На эту тварь отпустил столько денег...». О подобных высказываниях, как и о найденной в мусорном ящике фотографии Кирова с семьей, коллеги Уланова доложили «куда следует», что вскоре привело к увольнению и аресту директора [31. Л. 33-34].

Между тем в задачи местных органов пропаганды входило привлечение массового внимания к С.М. Кирову. Томские музейщики, в частности, получили директиву, согласно которой кировская тема должна была стать доминирующей в экспозиции [32. Л. 116а]. Музейными работниками Томска была проделана большая работа по сбору материала о жизни Кирова в их городе. Информацию о Кирове томичи полу-

чали, прежде всего, из устных свидетельств старых революционеров, живших в их городе. Записанные воспоминания использовались не только для экспозиционных целей, но также для разработки экскурсий и подготовки газетных публикаций. Вопросы, задававшиеся респондентам, часто предполагали вполне определенный ответ, к примеру: «Какую роль играл Киров в организации подполья?». Исследователи должны были лишь насытить деталями известную в общих чертах историю героя. Но это было не просто: заметно, что томичи плохо помнили настоящего, знакомого им в далекой юности Кирова, который в Томске получил лишь первый опыт революционной деятельности. Одна из опрошенных по фамилии Кузнецова заявила открыто, что к ней с вопросами о юности Кирова уже обращались москвичи, но рассказать было особенно нечего, поскольку Сережа Костриков являлся обычным парнем, а роль в организации подполья играл «такую, как и все» [33. Л. 116в]. Круг сюжетов, о которых вспоминали респонденты, был довольно узким. Томичи рассказывали, что Киров с 1904 г. участвовал в тайных массовках большевиков. Большинство опрошенных шаблонно свидетельствовало о его таланте оратора. Лишь революционерка Позина отметила, что он редко выступал на собраниях, при этом волновался и заикался [34. Л. 249]. Преподаватели курсов при Томском политехническом институте смогли сообщить в сущности лишь то, что в 1905 г. способный Костриков окончательно бросил учебу, чтобы стать профессиональным революционером [33. Л. 96; 130]. Большинство опрошенных говорили об участии Кирова в вооруженной антиправительственной демонстрации, устроенной томичами, в протест против событий «Кровавого воскресенья». И здесь оценки мемуаристов разнились: одни сообщали о том, что Костриков был одним из организаторов демонстрации, другие гиперболизировали его роль [Там же. Л. 96; 130]. Некоторые вспоминали о совместном пребывании в томской тюрьме [Там же. Л. 38]. Почти никто не вспоминал историй, которые могли бы охарактеризовать Сергея Кострикова как обычного, живого человека: не говорили о его семье, интересах, не касавшихся революции, о других аспектах частной жизни. Стандартно описывали и его характер.

Кроме Б.И. Гольдберга, никто не свидетельствовал о поддержании связи с Кировым после революции 1905 г. Преподаватель П.А. Козьмин думал, что Костриков погиб в 1905 г., лишь их случайная встреча в 1919 г. доказала обратное [Там же. Л. 96]. Многие не узнавали в С.М. Кирове своего старого знакомого. Д. Ильин лишь в 1932 г. выяснил из разговора с товарищем Тюменцевым, побывавшим в Ленинграде, что Костриков стал «самим Кировым» [Там же. Л. 38]. Не узнавал в Кирове Сережу Кострикова и перебравшийся в Москву П.А. Носов, который только после гибели секретаря Ленинградского губкома партии понял, что был знаком с ним в молодости, живя в Томске [34. Л. 6]. Очевидно, что, работая над подготовкой коллек-

ции воспоминаний о Кирове, томские музейщики применяли шаблон соцреалистического канона, редактируя первоисточники. Из записей и без того не особенно достоверных воспоминаний музейщики должны были «отжать» факты – реальные и вымышленные, необходимые для доказательства следующих основных выводов. С.М. Киров уже в юности демонстрировал пример энергичного и бесстрашного большевика, абсолютно верного делу революции, готового на бескомпромиссную борьбу. Его роль в организации томского подполья была велика, он принял участие во всех самых значительных мероприятиях томских большевиков периода Первой русской революции, часто выступал организатором. Для Томска память о Кирове чрезвычайно важна, ведь именно благодаря таким «пламенным борцам» и на этой земле, где некогда царил произвол буржуев и черносотенцев, ныне побеждает социализм, как и по всей стране, в которой стираются различия между столицей и «глухими окраинами». Сведения из воспоминаний, не работавшие на доказательство этих идей, «отбраковывались», не включались в официальные репрезентации.

Кировская тематика также поднималась на станции Тайга близ Томска, куда Киров перебрался после освобождения из томской тюрьмы, и в Новосибирске, где прошел небольшой период жизни молодого революционера. О подготовке Кировым забастовки на станции «Тайга» рассказывали преимущественно томичи. В 1936 г. новосибирским Истпартом были также записаны воспоминания революционера Фортова. Набор сюжетов и оценок в этом тексте был стандартным, сходным с содержанием томских мемуаров. Автор говорил о Кирове как о скромном и непритязательном человеке, который, однако, обладал лидерскими качествами. Именно Кирову Фортов приписывал «верное решение работать в глубоком подполье» и создать подпольную типографию на окраине в доме семьи Шамшиных. В этом тексте стандартно описано времяпрепровождение новониколаевских революционеров: конспиративные ночные встречи на обских островах, катания на лодках и пение революционных песен [35. Л. 5]. Показательно, что воспоминания, записанные в Томске и Новосибирске, не использовались авторами, работавшими в столице над составлением биографии Кирова. По данным М.Е. Леное, ленинградский биограф Кирова Б.И. Позерн использовал лишь недостоверные воспоминания М. Попова, некогда жившего в Томске [12. C. 520].

Сравнение «сибирских» фрагментов биографических книг о Кирове, подготовленных во второй половине 1930-х гг. И. Разгоном и Б.И. Позерном [36], позволяет сделать вывод об их абсолютной шаблонности. Кроме того, заметны явные расхождения в сторону преувеличений свидетельств томичей, и без того не вызывающих доверия. В первую очередь это заметно на примере последовательности сюжетов. К примеру, в книгах Разгона и Позерна молодой Киров выступал

организатором обороны социалистов во время черносотенного погрома с поджогом в Томске [4. С. 20]. Томичи же говорили лишь о том, что Кострикову посчастливилось выскочить из здания, подожженного погромщиками [37. Л. 3]. Официальные биографии называют Кострикова организатором вооруженной демонстрации в Томске 1905 г., а в томских мемуарах он назван «одним из организаторов», в роли главного организатора фигурирует студент Ляпидевский [33. С. 250]. Столичные биографии сообщали, что ночью после демонстрации, устроенной социалистами в Томске в 1905 г., Костриков пробрался в мертвецкую, где находилось тело убитого знаменоносца И.Е. Кононова, и выкрал знамя, которое Кононов успел спрятать в карман [4. С. 14; 36. С. 16]. Томичи по-разному преподносили этот сюжет: одни говорили, что Киров еще на демонстрации подхватил знамя из рук смертельно раненного Кононова, сорвал знамя с древка и спрятал его на груди [33. Л. 3], другие просто сообщали, что «знамя спасли» [Там же. Л. 20], сообщали, что всю ночь после демонстрации Сергей провел на квартире гравера Ильина [Там же. Л. 75].

В 1938 г. в Томске на Гоголевской улице был открыт мономузей, посвященный памяти С.М. Кирова. Именно заведующий фондами этого музея по фамилии Ляхов отвечал за создание коллекции воспоминаний томичей о Кирове. Некогда в здании этого музея размещалась конспиративная квартира революционеров. Экспозиция была крайне политизирована. Она посвящалась биографии героя: его деятельности в годы «столыпинской реакции», Гражданской войны, его труду на посту руководителя партийной организации Ленинграда, его гибели и траурным дням, последовавшим после убийства Кирова. Последний траурный зал экспозиции был проникнут особым драматизмом [38]. В 1940 г. этот музей присоединили к краеведческому музею. Материалы из экпозиции мономузея перенесли в новую экспозицию, посвященную Кирову.

В городах Западной Сибири, особенно в Томске, во второй половине 1930-х гг. появилось немало кировских мест. Имя Кирова было присвоено индустриальному институту, улице, проспекту и району. На пересечении проспекта Ленина и проспекта Кирова установили памятник горою. В 1940 г. Томский краеведческий музей разработал экскурсионный маршрут «По кировским местам», куда включались места, где проходили революционные события, в которых принял участие С.М. Киров, дом, где он проживал, дом, где он был впервые арестован [39. Л. 120]. В Новосибирске именем Кирова также назвали улицу, новый городской район, обувную фабрику, построенную в 1936 г. Улицы, переименованные в честь Кирова, появились также в Омске и Барнауле. На плане г. Омска появился и Кировский район.

Подводя итоги, необходимо признать, что мемориализация С.М. Кирова в Западной Сибири всецело была инициирована органами центральной власти и

находилась под жестким идеологическим контролем. Лица, ответственные за увековечивание памяти о Кирове, старались работать, не выходя за пределы жестких идеологических рамок. Эта задача была сложной в силу реальной неактуальности памяти о Кирове в нашем регионе и ее слабого соответствия заданному стандарту. Важно и то, что воспоминания о Кирове, с трудом собранные местными музейщиками, оказались мало востребованными, фактически ненужными для формирования политического культа

героя, и уж тем более для реконструкции хоть сколько-нибудь правдивой биографии С.М. Кострикова. После 1934 г. Киров занял заметное место в символическом пространстве городов Западной Сибири, память о нем активно навязывалась населению региона. Однако при всех попытках сделать Кирова «своим» для сибиряков, официальный метанарратив едва ли эффективно справлялся с этой задачей, фигура памяти Кирова быстро «бронзовела», утрачивая жизнеспособность.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Святославский А.С. Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры: автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2012. 53 с.
- 2. Савельева И.М., Полетаев В.А. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования. М., 2004. 55 с.
- 3. Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М., 2010. 511 с.
- 4. Разгон И. Сергей Миронович Киров. Краткий биографический очерк. М., 1938. 124 с.
- 5. Красников С.В. Киров в Ленинграде. Л., 1966. 198 с.
- 6. Мельников А.И. Сергей Миронович Киров. М.: Мысль, 1973. 110 с.
- 7. Пушкарев Г.М. В борьбе за рабочее дело: С.М. Киров в Сибири. Новосибирск, 1959. 175 с.
- 8. *Балан В*. Сталин и убийство Кирова // Лебедь: независимый альманах. 2002. 1 дек. (№ 300). URL: http://www.lebed.com/2002/art3162.htm, свободный (дата обращения: 19.02.2015).
- 9. Эгге О. Загадка Кирова. Убийство, развязавшее сталинский террор. М., 2011. 285 с.
- 10. Conquest R. Stalin and the Kirov Murdert. Oxford, 1989. 164 p.
- 11. Кириллина А.А. Неизвестный Киров. Мифы и реальность. СПб., 2002. 543 с.
- 12. Lenoe M.E. The Kirov Murder and Soviet History. London: New Haven, 2011. 833 p.
- 13. Дэвид С. Мнение народа в сталинской России. Террор, пропаганда и инакомыслие (1934–1941 гг.). М., 2011.
- 14. Рашковский А. Мифы и правда о Кирове // Кругозор: интернет-журнал. 2009. Июнь. URL: www.krugozormagazine.com/show/Kirov.397.html, свободный (дата обращения: 19.02.2015).
- 15. *Красильникова Е.И.* Томский краеведческий музей как место памяти жителей города (1920 первая половина 1941 гг.) // Вопросы музеологии. 2013. № 1. С. 60–72.
- 16. Красильникова Е.И. Участие музеев Томска в увековечивании памяти о С.М. Кирове (1934 первая половина 1941 гг.) // История и историография России в исследовательском и образовательном контекстах. Новосибирск, 2014. С. 159–165.
- 17. Государственный архив Томской области (далее ГАТО). Ф. Д-223. Оп. 3. Д. 3440.
- 18. *Красильникова Е.И.* Создание в городах Западной Сибири памятников, посвященных юбилеям ключевых событий в истории Дома Романовых (конец XIX начало XX вв.) // Тобольск научный 2012. Тобольск, 2012. С. 347–351.
- 19. *Красильникова Е.И.* «Народная скорбь»: массовые коммеморации в городах Западной Сибири, приуроченные к похоронам и поминовению С.М. Кирова, В.В. Куйбышева и Г.К. Орджоникидзе (30-е гг. XX в.) // Вестник Омского университета. 2014. № 1. С. 48–55.
- 20. Lenoe M.E. Close to the masses: Stalinist culture, social revolution, soviet newspapers. London: Cambrige, 2004. 315 p.
- 21. Профессор Бродский о тов. Кирове // Красное знамя (Томск). 1934. 8 дек.
- 22. Государственный архив Новосибирской области (далее ГАНО). Ф. П-3. Оп. 2. Д. 987.
- 23. Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 80. Оп. 19. Д. 10.
- 24. *Чумандрин М*. Отрывок из книги «Киров» // Красное знамя (Томск). 1935. 1 дек.
- 25. Товарищ С.М. Киров в Томске // Красное знамя (Томск). 1937. 1 дек.
- 26. С.М. Киров в Новониколаевске // Советская Сибирь (Новосибирск). 1939. 1 дек.
- 27. Рабочие весового цеха ходатайствуют о присвоении заводу им. товарища Кирова // Красное знамя. 1935. 1 дек.
- 28. ГАНО. Ф.П-353. Оп.1. Д. 1.
- 29. Вечер памяти С.М. Кирова // Красное знамя (Томск). 1938. 1 дек.
- 30. ГАНО. Ф. Р. 600. Оп. 1. Д. 183.
- 31. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 11. Д. 797.
- 32. Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова (далее ТОКМ им. М.Б. Шатилова). Ф. 1. Оп. 4. Д. 159.
- 33. ГАТО. Ф. Р-1612. Оп. 1. Д. 39.
- 34. РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 19. Д. 18.
- 35. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 293. Л. 5
- 36. Киров Сергей Миронович (1886–1934): краткий биографический очерк / под ред. Б.И. Позерна. Л., 1937. 119 с.
- 37. ГАТО. Ф. Р-1612. Оп. 1. Д. 4.
- 38. Федоренко А. Дом-музей памяти С.М. Кирова в Томске // Красное знамя (Томск). 1938. 11 ноя.
- 39. ТОКМ им. М.Б. Шатилова. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1.

Krasilnikova Yekaterina I. Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: katrina97@yandex.ru MEMORIALIZATION OF SERGEY KIROV IN WESTERN SIBERIA (1934 – FIRST HALF OF 1941).

Keywords: memorialization; commemoration; memory politics; mourning campaign memoir; West Siberia.

The article is devoted to various forms and methods of perpetuating in the cities of Western Siberia (Tomsk, Omsk, Novosibirsk, Barnaul) the memory of Sergei Kirov, who was murdered in 1934. The author explains the ideological significance of the mass commemorations, associated with the death of Kirov, who was the leader of Leningrad party organization and a member of the government. Perpetuating the memory of Sergei Kirov estimated as the process of forming a political cult of the hero, which was used by the state for social mobilization. Mourning campaign (December 1934), the participation of Siberians in the mass farewell to Kirov, Kirov memorial days, arranged in the following years are characterized. Particular attention is paid to the role of the West Siberian's museums in memorialization of Kirov, their work on the creation of memories collection of old revolutionaries who were colleagues of Sergei Kirov during the First Russian revolution. The author focuses on the uniformity of Tomsk revolutionaries memories. It is suggested that the primary

sources of memories plunged careful adjustment of the museum staff. This led to achieve the ideological correctness. The opening of Kirov museum in Tomsk and its integration with the Region museum is announced. Museum's display is briefly characterized. The author reports the appearance of the Kirov places in Western Siberia, the formation of tourist routes «on the Kirov places» (places somehow related to Sergei Kirov). Tendencies of Kirov commemoration's perception by Siberians are identified. The author reports some political repressions, which were triggered by incorrect statements about Sergey Kirov. The author concludes that the memorialization of Kirov in Western Siberia was entirely initiated by the central government and was under control of the state. The author believes that memoires about Kirov collected by the museum staff of Tomsk were actually kept on the sidelines. The information given in there did not concured with the data reflected in the biographical works of Kirov, written by authors from Leningrad and Moscow. In Western Siberia newspapers, as well as across the country, was set out only one version of the biography of Kirov. Contradicting viewpoints and opinions were punished, they could lead to arrests. Kirov took a prominent place in the symbolic space of the cities of Western Siberia, the memory of him was actively imposed in the region.

REFERENCES

- 1. Svyatoslavsky, A.S. (2012) Sreda obitaniya kak sreda pamyati: k istorii otechestvennoy memorial'noy kul'tury [The habitat as a storage medium: a memorial to the history of Russian culture]. Abstract of Culturology Doc. Diss. Moscow.
- 2. Savelieva, I.M. & Poletaev, V.A. (2004) *Sotsial'nye predstavleniya o proshlom: tipy i mekhanizmy formirovaniya* [Social representations of the past: the types and mechanisms of formation]. Moscow: HSE.
- 3. Plamper, Ya. (2010) Alkhimiya vlasti. Kul' Stalina v izobrazitel'nom iskusstve [Alchemy of power. Stalin's cult in the visual arts]. Translated from English by N. Edelman. Moscow: NLO.
- 4. Razgon, I. (1938) Sergey Mironovich Kirov. Kratkiy biograficheskiy ocherk [Sergei Kirov. A brief biographical sketch]. Moscow: Molodaya gvardiya.
- 5. Krasnikov, S.V. (1966) Kirov v Leningrade [Kirov in Leningrad]. Leningrad: Lenizdat.
- 6. Melnikov, A.I. (1973) Sergey Mironovich Kirov [Sergey Kirov]. Moscow: Mysl'.
- 7. Pushkarev, G.M. (1959) V bor'be za rabochee delo: S.M. Kirov v Sibiri [In the struggle for the workers' cause: SM Kirov in Siberia]. Novosibirsk: Book Publ.
- 8. Balan, V. (2002) Stalin i ubiystvo Kirova [Stalin and the Kirov Murder]. Lebed'. 2002. December 1st. [Online] Available from: http://www.lebed.com/2002/art3162.htm. (Accessed: 19.02.2015).
- 9. Egge, O. (2011) Zagadka Kirova. Ubiystvo, razvyazavshee stalinskiy terror [Kirov's riddle. The murder unleashed by Stalin's terror]. Translated from English by A.A. Peshkov & G.I. Germanenko. Moscow: The Boris Yeltsin Presidential Center.
- 10. Conquest, R. (1989) Stalin and the Kirov Murder. Oxford: Oxford University Press.
- 11. Kirillina, A.A. (2002) Neizvestnyy Kirov. Mify i real'nost' [The Unknown Kirov. Myths and Reality]. St. Petersburg: Neva, Olma-press.
- 12. Lenoe, M.E. (2011) The Kirov Murder and Soviet History. New Haven; London: Yale University Press.
- 13. Davis, S. (2011) *Mnenie naroda v stalinskoy Rossii. Terror, propaganda i inakomyslie (1934–1941 gg.)* [Popular opinion in Stalin's Russia. Terror, propaganda and dissent, 1934–1941]. Translated from English by V.N. Morozov. Moscow: POSSPEN.
- 14. Rashkovskiy, A. (2009) Mify i pravda o Kirove [Myths and truth about Kirov]. *Krugozor*. June. [Online] Available from: www.krugozormagazine.com/show/Kirov.397.html. (Accessed: 19.02.2015).
- 15. Krasilnikova, E.I. (2013) Tomskiy kraevedcheskiy muzey kak mesto pamyati zhiteley goroda (1920 pervaya polovina 1941 gg.) [Tomsk Regional Museum as a place of memory of the city people (1920 early 1941)]. Voprosy muzeologii The Problems of Museology. 1. pp. 60-72.
- 16. Krasilnikova, E.I. (2014) Uchastie muzeev Tomska v uvekovechivanii pamyati o S.M. Kirove (1934 pervaya polovina 1941 gg.) [Participation of Tomsk museums in perpetuating the memory of S.M. Kirov (1934 early 1941)]. In: *Istoriya i istoriografiya Rossii v issledovatel'skom i obrazovatel'nom kontekstakh* [History and historiography of Russia in the research and educational contexts]. Novosibirsk. pp. 159-165.
- 17. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund D-223. List 3. File 3440. (In Russian).
- 18. Krasilnikova, E.I. (2012) Sozdanie v gorodakh Zapadnoy Sibiri pamyatnikov, posvyashchennykh yubileyam klyuchevykh sobytiy v istorii Doma Romanovykh (konets XIX nachalo XX vv.) [The erection of monuments dedicated to the anniversaries of key events in the history of the House of Romanov in the cities of Western Siberia (the late 19th early 20th centuries.)]. In: *Tobol'sk nauchnyy 2012* [Tobolsk Research 2012]. Tobolsk. pp. 347-351.
- Krasilnikova, E.I. (2014) The national grief: massive commemorations in the cities of Western Siberia dedicated to the funerals and to the memorable days of S. Kirov, V. Kuybyshev and G. Ordzhonikidze (1930s). Vestnik Omskogo universiteta – Herald of Omsk University. 1. pp. 48-55. (In Russian).
- 20. Lenoe, M.E. (2004) Closer to the masses: Stalinist culture, social revolution, soviet newspapers. Cambrige; London: Harvard University Press.
- 21. Krasnoe znamya. (1934) Professor Brodskiy o tov. Kirove [Professor Brodsky about Kirov]. 8th December.
- 22. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund P-3. List 2. File 987.
- 23. The Russian State Archives of Socio-Political History (RGASPI). Fund 80. List 19. File 10.
- 24. Chumandrin, M. (1935) Otryvok iz knigi "Kirov" [An excerpt from Kirov]. Krasnoe znamya. 1st December.
- 25. Krasnoe znamya. (1937) Tovarishch S.M. Kirov v Tomske [Comrade S. Kirov in Tomsk]. 1st December.
- 26. Sovetskaya Sibir'. (1939) S.M. Kirov v Novonikolaevske [S. Kirov in Novonikolaevsk]. 1st December.
- 27. Krasnoe znamya. (1935) Rabochie vesovogo tsekha khodataystvuyut o prisvoenii zavodu im. tovarishcha Kirova [The workforce from the weight management workshop apply for naming the plant after S. Kirov]. 1st December.
- 28. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund P-353. List 1. File 1.
- 29. Krasnoe znamya. (1938) Vecher pamyati S. M. Kirova [Kirov's memorial evening]. 1st December.
- 30. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-600. List 1. File 183.
- 31. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund P-3. List 11. File 797.
- 32. Tomsk Regional Local History Museum named after M. Schatiloff. (TOKM). Fund 1. List 4. File 159.
- 33. The State Archives of Tomsk Region. Fund R-1612. List 1. File 39.
- 34. The Russian State Archives of Socio-Political History (RGASPI). Fund 80. List 19. File 18.
- 35. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund P-5. List 2. File 293. L. 5
- 36. Pozern, B.I. (ed.) (1937) Kirov Sergey Mironovich (1886–1934): kratkiy biograficheskiy ocherk [Sergei Kirov (1886–1934): A brief biographical sketch]. Leningrad: Partizdat.
- 37. The State Archives of Tomsk Region. Fund R-1612. List 1. File 4.
- 38. Fedorenko, A. (1938) Dom-muzey pamyati S.M. Kirova v Tomske [S. Kirov Memorial House in Tomsk]. Krasnoe znamya. 11th November.
- $39.\ Tomsk\ Regional\ Local\ History\ Museum\ named\ after\ M.\ Schatiloff.\ (TOKM).\ Fund\ 1.\ List\ 1.\ File\ 1.$